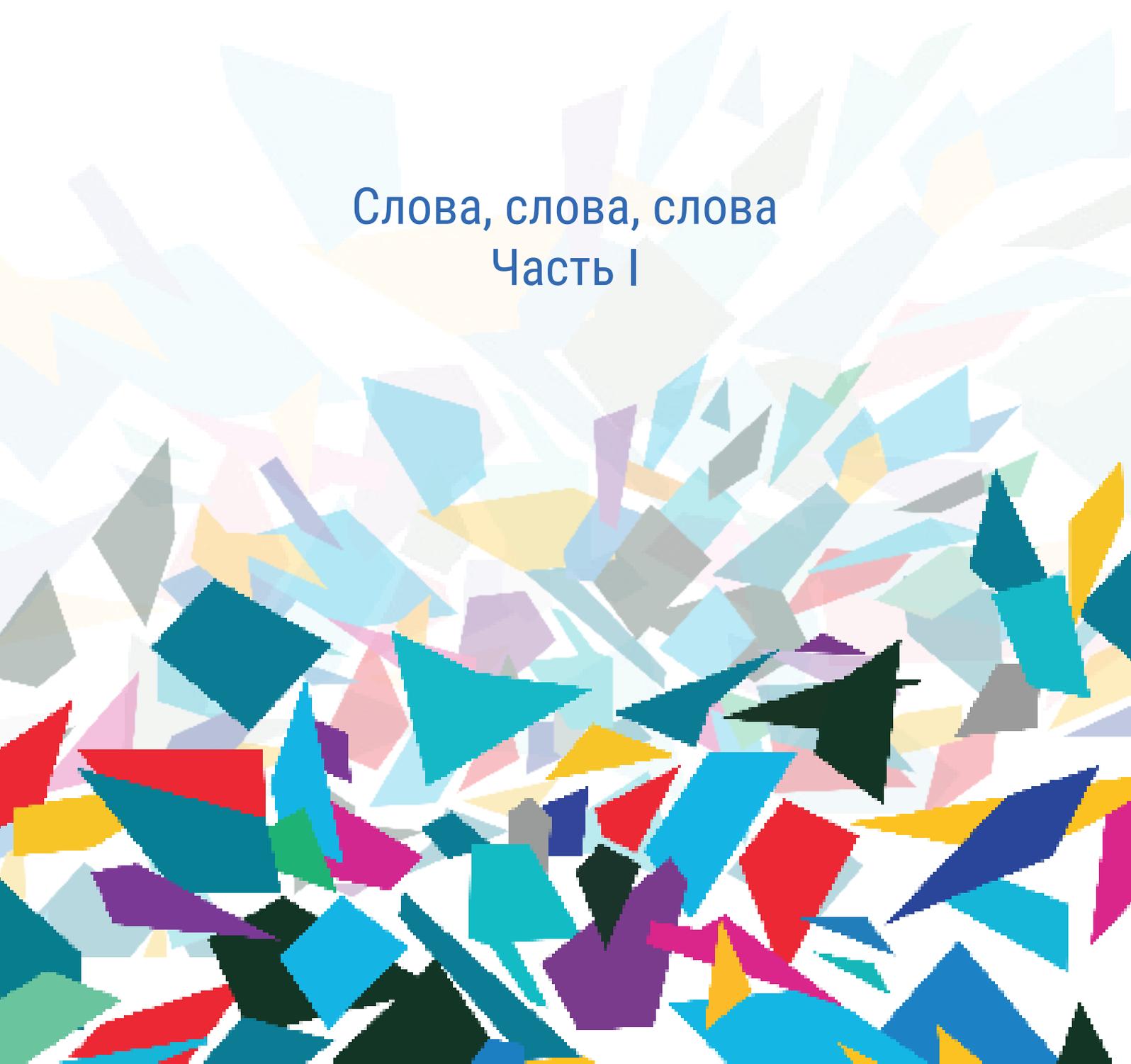

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Слова, слова, слова
Часть I

В предыдущей лекции мы рассмотрели механизм грамматики языка. О том, как мы пришли к заключению, что грамматика – это дискретная комбинаторная система. И предложение – это не цепочка слов, а дерево, состоящее из модулей, которые называются синтаксические группы. Есть номинативная синтаксическая группа (в центре которой находится существительное), есть вербальная синтаксическая группа (с глаголом в ядре), есть вспомогательные синтаксические группы (которые указывают на направление действия, либо его условия, либо цель этих действий, либо признаки субъекта или объекта действия. Они состоят из прилагательных, наречий, местоимений и так далее). Но самое главное в идее Ноама Хомского и транслирующего эти идеи Стивена Пинкера – это то, что дерево, как синтагма, состоит из модулей, которые могут повторяться внутри себя. Могут быть продолжены более тонкими второстепенными веточками, модулями. Которые тоже состоят из номинативных групп или вербальных групп. Поэтому синтаксис практически в любом языке обеспечивает развернутые предложения – сложносочиненные, сложноподчиненные, с придаточными или однородными членами.

И люди запоминают не правила организации, подчинения или управления членов предложения, а именно эти более крупные единицы грамматики, жесткий порядок связи между синтаксическими группами.

Система организации этих групп в языке и обеспечивает адекватную передачу мысленного в речь человека – письменную или устную.

В следующей главе, которую Пинкер называет «Слова, слова, слова». Это известная фраза из трагедии Шекспира «Гамлет». А что такое слова? Из чего они состоят? На нескольких страницах Стивен Пинкер добросовестно знакомит читателя с основами морфологии.

Морфология наряду с синтаксисом, фонетикой, орфоэпией, является разделом лингвистики. Для подготовленного слушателя это немного скучная лекция. Потому что это довольно известные вещи, но мне придется повторить, изложить их для того, чтобы читатель, менее подготовленный, но живо интересующийся, мог иметь представление.

Итак, из чего состоят слова? Слова составляют лексическую базу любого языка. И у разных народов этот так называемый словарный запас очень сильно дифференцируется. И у каждого отдельного человека, и в каких-то социальных группах есть словарный запас, который отличается в количественном и в качественном плане. Это очень интересная тема. Но давайте рассмотрим, из чего состоит слово.

Слово состоит из корня и ядра. Корень – это лексема, несколько букв, которые несут определенный смысл. Хочу еще раз подчеркнуть, что смысл этот носит совершенно условный характер. И только сейчас активизируются исследования в этимологии, истории происхождения слов. Здесь мне снова хочется упомянуть нашего покойного соотечественника, выдающегося ученого Серикбола Кондыбая, который фактически развил метод мифолингвистического анализа при изучении казахской традиционной культуры. Возможно, мы к этому еще вернемся.

Существуют корни как лексемы, как лексическая единица. Существуют аффиксы и префиксы, которые позволяют образовывать, если и не бесконечное, то весьма значительное количество слов внутри одной лексической ячейки.

Морфология – это система, слова в которой имеют очень тонкую структуру. О людях иногда говорят: «У него очень тонкое чувство языка». Чувствовать язык – это понимать системы морфем, как они сочетаются между собой.

Стивен Пинкер строит свою книгу на примерах из английского языка. Для объяснения своей идеи понимания языка как инстинкта он предлагает продолжить грамматическую структуру рассмотрением грамматики как дискретной комбинаторной системы. Предлагает экстраполировать это на уровень морфологии. В конечном итоге он говорит о том, что ребенок усваивает слова, только понимая принцип работы с морфемами. Иначе невозможно запомнить всю эту сложную систему словообразования.

Помимо корневой основы, аффиксов, префиксов в слове существуют еще и флексии. В некоторых языках. Флексии служат словообразованию для передачи оттенков семантического характера. Но во многих языках флексии служат инструментами синтаксиса. С помощью системы окончаний передаются связи в предложениях.

Морфемы флексии служат для передачи связи в предложениях. «Ходячий» – значит, речь идет о существе мужского пола. «Ходячая» – женского. Флексии способны передавать и характер связей между субъектами. Нет кого? Ходячего. Думаю о ком? О ходячем. И так далее. Это целая система падежей. В русском их шесть. Есть языки, в которых 13 падежей. Есть языки, в которых, по-моему, 24 падежа. Вы представляете, как сложно ребенку запомнить всю эту систему? Но самое интересное, когда ребенок овладевает языком, он не знает ни системы спряжения глаголов, ни системы склонения. И, тем не менее, к шести годам он начинает говорить правильно, по крайней мере, на родном языке. При изучении неродного языка, после того, как проходит сенситивный период, усвоение языка требует специальных ментальных усилий – запоминания, заучивания и так далее.

То, что дети изучают правильные механизмы языкообразования, не задумываясь о внутренней системе, позволяет Пинкеру говорить о том, что морфология тоже является языковым инстинктом. Здесь, пожалуй, требуется пояснить, почему это происходит. Но об этом, наверное, позже.

Словообразование во всех языках происходит не только путем аффиксации или префиксации, но и с помощью соединения двух корней. Серо-голубой, плодово-ягодный, физико-математический, психолингвистика. Это способ сочетания двух морфем с разными значениями, в результате которого появляется новый смысл.

Есть особый способ словообразования – с помощью заимствования морфем и их адаптации к собственному языку. Мы об этом уже говорили. И в этой связи мне хотелось бы сказать о заимствованиях между современным русским языком и современным казахским языком. На прошлой лекции мы говорили, как сформировалась лексическая база русского языка. Это такой слоеный пирог, в основе которого лежит собственно славяно-русская структура, ментальный код, а на нее наслаиваются слова из разных языков, и в первую очередь – из тюркского словарного багажа.

В казахском языке – основа – это тюркский язык. Тюркские языки имеют общую основу. Тот, кто знает казахский язык, без труда общается с кыргызами, татарами, башкирами, алтайцами. Это очень легко. Более сложно общаться с носителями огузских тюркских языков – уйгурами и узбеками. Потому что какие-то слова отличаются.

Эти заимствования уходят так далеко, что если мы станем изучать историю происхождения тех или иных слов, то сможем восстановить и историю культуры. Поскольку язык отражает культуру и на определенном историческом этапе происходят заимствования. И это нужно делать, потому что из-за неправильного понимания происхождения слов у нас меняется мыслекод. Слова заимствуются, но получая новое толкование, они влияют на изменение взгляда людей на собственную историю. Возьмем топоним «Жетысу». Алматы расположен в регионе Жетысу. Это юго-восток Казахстана. Это историческое название. Жетысу существовало уже при создании Казахского ханства. Но в XIX, когда пришли русские путешественники, для объяснения понятия ввели наиболее доступное объяснение «Семь рек». Потом это значение стало абсолютизироваться. Регион стал именоваться «Семиречьем». Хотя на территории нашего региона сложно найти эти семь рек – таких значительных, чтобы их можно было закрепить в топониме. Или Каратал, Талас, Шу, Лепсы – пять крупных рек. Но Коксу и Аксу не являются крупными. И похоже, что с ними произошла такая же история, как с семью цветами радуги, которые выделил Исаак Ньютон для того, чтобы гармонизировать с семиречной системой музыки.

Основа корня «Жетысу» может быть истолкована по-другому. Корневая семантическая система образована от «жету» – достичь. И «Жетысу» – это «достижение». Степной регион, который обладает наиболее благоприятными климатическими условиями для выращивания скота. Там, где чистые реки и сочные травы, где нет сильных ветров. «Жетысу», по большому счету, это преуспевание.

Я думаю, если таким образом проводить анализ морфем, это в значительной мере будет менять не только мыслекод одного человека, но и культурный код всей нации.

Я позволил себе сделать такой экскурс как раз для тех слушателей, которые будут читать книгу «Язык как инстинкт». Мне хотелось обратить внимание на то, что морфемы и этимология имеют непосредственно прямое отношение к восстановлению культурного кода нации.